

Міністерство освіти і науки України
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова
Кафедра історії стародавнього світу та середніх віків
Одеський археологічний музей
Національної академії наук України
Відділ археології Північно-Західного Причорномор'я
Інституту археології Національної академії наук України
Державний архів Одеської області
Грецький фонд культури (Одеса)

СТАРОДАВНЄ ПРИЧОРНОМОР'Я

Випуск XI

Одеса
ОНУ
2016

УДК 9(4-11)"632/1789"
ББК 63.3(4,5)2/5
С773

Рекомендовано до друку рішенням Вченої ради
історичного факультету ОНУ імені І. І. Мечникова.
Протокол № 5 від 17 лютого 2016 р.

Стародавнє Причорномор'я. Випуск XI / Голов. ред. І. В. Немченко. –
Одеса: Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
2016. – 610 с.

Збірка «Стародавнє Причорномор'я» складена на основі матеріалів XI читань пам'яті професора П. Й. Каришківського, міжнародної конференції, яка відбулась в ОНУ імені І. І. Мечникова 11–13 березня 2016 р. Випуск містить статті з проблем нумізматики, історії та археології Північного Причорномор'я, античної та середньовічної історії, візантинознавства, історії Європи раннього модерного часу, історіографії тощо. I–X випуски збірки виходили під назвою «Древнее Причерноморье».

Рецензенти:

Бруйко І. В. – д.і.н., директор Одеського археологічного музею НАНУ;
Довгополова О. А. – д.ф.н., професор кафедри філософії природничих факультетів ОНУ імені І. І. Мечникова.

Редакційна колегія:

Немченко І. В. – к.і.н., зав. кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ОНУ імені І. І. Мечникова, головний редактор;
Дьомін О. Б. – д.і.н., зав. кафедри нової та новітньої історії ОНУ імені І. І. Мечникова;
Дзиговський О. М. – д.і.н., професор кафедри археології та етнології України ОНУ імені І. І. Мечникова;
Кушнір В. Г. – д.і.н., декан історичного факультету ОНУ імені І. І. Мечникова;
Луговий О. М. – к.і.н., доцент кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ОНУ імені І. І. Мечникова, зам. головного редактора;
Булатович С. А. – к.і.н., доцент;
Охотніков С. Б. – к.і.н., зам. директора Одеського археологічного музею НАНУ;
Руссов М. Д. – доктор хабілітат історії, професор Вищої антропологічної школи (Кишинів, Молдова);
Самойлова Т. Л. – к.і.н., зав. Відділом археології Північно-Західного Причорномор'я Інституту археології НАНУ;
Сминтина О. В. – д.і.н., зав. кафедри археології та етнології України ОНУ імені І. І. Мечникова;
Сорочан С. Б. – д.і.н., зав. кафедри історії стародавнього світу та середніх віків Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

ISBN 978-617-689-159-8

© Колектив авторів, 2016

© Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2016

Т. Н. Джаксон, А. В. Подосинов (Москва)
**К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
 ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
 В ТОПОНИМИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ***

Большинство исследований этногеографических представлений ограничивается изучением реалий конкретной эпохи, будь то античность, средние века или Новое время. Это и понятно – каждая культура конструирует географическое пространство в рамках своих собственных дискурсивных практик, обусловленных космологическими, политическими, конфессиональными, общекультурными особенностями, имеет собственные способы передачи информации и создания картины мира в целом и отдельных регионов в частности. Тем не менее, большие возможности таятся в сравнительно-историческом исследовании этих этногеографических и этнополитических дискурсов, особенно если удастся проследить преемственность в такого рода представлениях на протяжении нескольких исторических периодов. При этом, как представляется, становится возможным увидеть логику механизмов передачи информации от поколения к поколению, от этноса к этносу, от культуры к культуре, наконец, от языка к языку. В нашем докладе мы пытаемся проследить историю одного гидронима Северного Причерноморья, который зафиксирован в скандинавской саге XIII в., но явно восходит – через несколько промежуточных этапов – к древнегреческому обозначению Азовского моря.

Интересующий нас гидроним фигурирует в повествовании о возвращении из заморского похода будущего норвежского конунга Харальда Сурового Правителя (1046–1066). Не исключена вероятность того, что за развернутым повествованием трех больших компендиумов королевских саг лежат устные рассказы, может быть, даже те, что принес на скандинавский Север сам конунг Харальд¹. В «Гнилой коже» (1217–1222 гг.), «Красивой коже» (ок. 1220 г.) и «Круге Земном» Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.), а также в «Хульде» (третья четверть XIV в.) рассказывается, как Харальд, покидая *Миклагард* (Константинополь), переправился через цепи в проливе *Сэвидарсунд* (Золотой Рог) и поплыл затем в *Свартахав* (Черное море). Высадив на берег племянницу «царицы Зои», он поплыл дальше. Но куда? По словам «Гнилой кожи», Харальд плывет «на север за море, а оттуда едет по Аустрики (Руси. – *Авт.*) в Хольмгард (Новгород. – *Авт.*)». Однако в заимствующей из «Гнилой кожи» «Красивой коже» (а вслед

* Работа выполнена по гранту РГНФ (проект № 14-01-00262а).

за ней и в двух других сводах) вместо «на север за море» стоит «на север в Эллипалтар»². Направление движения «на север» в данном контексте указывает, как кажется, на реальное знакомство информанта (кем бы он ни был) с местностью, поскольку на абстрактной ментальной карте средневекового скандинава Русь лежит в Восточной четверти мира и путь в нее, как правило, идет «на восток».

Что же такое *Ellipaltar* (*Эллипалтар*), находящийся между Черным морем и Русью? В литературе имеются три его толкования. Во-первых, в гидрониме *Эллипалтар* видят обозначение устья Днепра, что, вероятно, вызвано логикой путешествия Харальда: ведь путь «из Грек в Варяги», по которому он следовал, вел – чисто умозрительно – из Черного моря в Скандинавию через Русь, в первую очередь, по Днепру. При этом издатель «Круга земного» Бьярни Адальбьярнарсон отмечает, что слово, возможно, образовано из греч. ἔλη и лат. *paludes*, имеющих значение «болото»³. Нам, однако, обозначение низовьев Днепра как «болота» ни в античной, ни в средневековой литературе не известно. Во-вторых, *Эллипалтар* отождествляется с древним обозначением пролива Дарданеллы – *Hellespontus*, что, по-видимому, основано на народноэтимологическом сближении топонимов при явном невнимании к тексту саги: ведь Черное море уже названо в этом итинерарии, а к тому же указано, что из Константинополя Харальд поплыл на север на Русь, что исключает для него движение в сторону Дарданелл⁴. В-третьих, *Эллипалтар* понимается как обозначение Азовского моря⁵. Из трех предложенных толкований гидронима мы склонны принять последнее: именно в его возникновении мы усматриваем преемственность этногеографических представлений, неразрывную связь античности и средневековья.

Чтобы пояснить свою мысль, остановимся сначала на античных названиях Азовского моря. Со времен Геродота греческие авторы называли Азовское море *Меотидой* (Μαίωτις) или *Меотийским озером* (ἡ Μαίητις λίμνη – Herod. I. 104 в ионийском варианте и др.). Слово λίμνη означает как «озеро», так и «болото», т. е. имеется в виду водоем со стоячей водой, отсюда – «пруд, озеро, болото». Латинское обозначение Азовского моря передает греческое название. Римляне называли это море *Меотидой* (*Maetis*), *Меотийским озером* (*Lacus Maeoticum*), *Меотийскими болотами* (*Paludes Maeoticae*) и просто *Болотами* (*Paludes*).

А. Стендер-Петерсен утверждает, что греки использовали слово (τὰ) ἔλη (мн. ч. от τὸ ἔλος «болотистое место, заливной луг») для обозначения болот Меотиды, т. е. Азовского моря⁶. Вопреки его утверждению, мы практически ни разу не встречаем этого названия

Азова в античных источниках, хотя стоит отметить, что некоторые древнегреческие авторы используют применительно к Меотиде слова того же корня и приводят его «болотную» характеристику. Только один текст может указывать на употребление слова ἔλη в качестве наименования Азовского моря, а именно известное место из Иордана (VI в.), который пишет следующее о победах готского царя Германариха, дошедшего в своих завоеваниях до Меотиды (Get. 117): «По сообщению историка Аблавия, вышеуказанное племя (*Heruli* – херулы = герулы. – *Авт.*) жило близ Меотийского болота (*iuxta Meotida palude*), в топких местах (*in locis stagnantibus*), которые греки называют «эле» (*ele*), поэтому и именовалось элурами (*Eluri*)» (перевод Е.Ч. Скржинской). Итак, Иордан дает греческое (в латинской транскрипции) название Азовского моря в форме «Эле», а народ, живущий близ Азовского моря, называет «элурами». До и после этого фрагмента речь у Иордана идет о том же племени, но только как о *герулах* – готском племени, вышедшем из Скандинавии. Элуров до Иордана упоминает Дексипп (III в. н.э.), которого цитирует в VI в. Стефан Византийский, но для них элуры – местный «скифский» народ. По Иордану получается, что от греч. ἔλη («болото») было образовано имя народа *элуры* – «жители болота», т. е. Азовского моря. На том основании, что информацию об элурах Иордан позаимствовал от Аблавия, писавшего Готскую историю, да еще – не исключено – на готском языке, мы допускаем готское посредничество в процессе сложения гидронима *Эллипалтар*. Символична для соединения всех трех этнолингвистических начал и фигура самого Иордана, родившегося на Нижнем Дунае в готской семье, возросшего в греческом Константинополе и писавшего в Равенне по-латыни. Именно в этой среде вполне могло произойти соединение греческого (идущего от Дексиппа) и латинского (от латинизированных готов – Аблавия и Иордана) корней.

Признаваемое нами готское посредничество является естественным следствием готского присутствия в Северном Причерноморье (в Крыму, на северном побережье Азовского моря и на Северном Кавказе), на чем мы в этом докладе останавливаться не будем⁷. Отметим лишь важное в контексте наших рассуждений о местной греческо-готской устной традиции существование готского эпоса, который мог на протяжении столетий передавать историческую информацию. Так, Иордан, рассказав о победах готов над народами Восточной Европы, пишет (Get. 28): «Отсюда уже, как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем, как это и вспоминается в древних их песнях как бы наподобие

истории и для всеобщего сведения; о том же свидетельствует и Аблавий, выдающийся описатель готского народа, в своей достовернейшей истории» (перевод Е.Ч. Скржинской). Отметим в этом тексте географическую привязку готского песенного фольклора (Северное Причерноморье) и его связь с историческим трудом Аблавия, который, по-видимому, составлял основу описания Северного Причерноморья в готскую эпоху. Историко-эпическая традиция готов Приазовья могла сохраняться долго, вплоть до появления здесь варягов.

В скандинавском эпосе, скальдических стихах, сагах и даже географических сочинениях обнаруживаются вполне ощутимые следы готской традиции. Так, две песни «Старшей Эдды» («Речи Хамдира» и «Подстрекательство Гудрун») передают героическое сказание, основой которого являются события готской истории IV в., связанные с гибелью остготского короля Германариха. То же сказание известно из ряда более поздних скандинавских источников – стихов скальда Браги Старого, «Младшей Эдды», «Саги о Вельсунгах», «Деяний датчан» Саксона Грамматика. К столь же древним песням «Старшей Эдды» причисляют и «Гренландскую песнь об Атли», историческую основу которой усматривают в ряде событий V в.: в разрушении гуннами королевства бургундов и в гибели на ложе от удара своей жены вождя гуннов Аттилы. Исследователи склонны считать, что за «Песней об Атли» стоит готская песнь V в. «Песнь о Хлэде», сохранившаяся в отрывках в «Саге о Хервёр и конунге Хейдрек», которую называют также «Песню о битве готов с гуннами». Принято считать, что она тоже восходит к готской героической песни эпохи великого переселения народов, но единого мнения о том, какие именно исторические события отразились в ней, так и нет. Отголоски этого сказания находим в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика и в древнеанглийской поэме «Видсид».

Говоря о готском посредничестве в передаче греческого и латинского топонимов в скандинавскую языковую среду, можно в качестве параллели привести наблюдения Г. Шрамма над гидронимами *Данаприс* и *Данастрис*, которые вместо античных названий *Борисфен* и *Тирас* появились в поздней античности и затем закрепились в византийской географии. Исследователь утверждает, что «передаточным звеном послужили южнорусские готы, которые как раз в это время продвинулись из лесостепи на юг и установили контроль над устьями обеих рек. Каким было готское название Днепра (а по аналогии и Днестра), можно заключить на основе формул древнескандинавской поэтической традиции *á stöðum Danpar* и т. п.,

Danr ok *Danpr*, которые, по всей вероятности, воспроизводят готские образцы: “на берегах Днепра”, “Дон и Днепр”»⁸. Обратим также внимание на мнение А. Стендер-Петерсена, что крымские готы, нередко служившие в византийской армии и жившие в Греции, никогда не теряли контакта со своей прародиной – островом Готланд, – чем можно было бы объяснить перенос названия *Эллипалтар* из Северного Причерноморья в Скандинавию.

Для того, чтобы принять предложенное Бьярни Адальбьярнарсоном толкование древнескандинавского *Ellipaltar* как композита, соединившего в себе греч. ἔλη и лат. *paludes* (а мы склоняемся к такому его пониманию), необходимо ответить на вопрос, как мог возникнуть гидроним, в котором обе части сложного слова означают одно и то же («болото»), хотя и восходят к разным языкам. Здесь возможны различные – конечно, чисто гипотетические – объяснения. Одно из них основывается на исходной письменной передаче информации. Выходец из готской среды, владеющий греческим и латинским языками, встретив в греческом тексте слово ἔλη, означающее Азовское море, пишет на полях латинскую глоссу *paludes*, а в последующей традиции эти два слова соединяются в одно, которое закрепляется в языке древних скандинавов в звучании, близком к тому, которое позднее отразится в *Ellipaltar* «Саги о Харальде Суровом Правителе». Другое объяснение связано с устным функционированием в готской среде этих двух слов, из которых одно могло выступать обозначением моря (*Эле*), а второе, допустим, – прибрежных жителей (*элуры*).

Параллелью подобному имянаречению может, как кажется, служить сообщение Константина Багрянородного в 50-й главе трактата «Об управлении империей» о славянском племени в южном Пелопоннесе под названием «эзериты» (Ἐζερίται), живущем в области Элос (Ἐλος). Название «эзериты» обычно возводят к славянскому слову «озеро» (хотя в нем и обнаруживается «чисто греческий суффикс» -ίται), т.к. это племя обитало недалеко от побережья, носившего греческое имя «Элос», что также означает «озеро». То же имеет место и в нашем гипотетическом случае: оба существительных – греческое и латинское по происхождению, – употребляемые рядом, могли бы означать нечто вроде «“Болота” “болотных жителей”». Будучи синонимами, слова звучали, тем не менее, совершенно по-разному, и соединение их вместе не выглядело тавтологией. Возникшее таким образом готское название Азовского моря (а в готских текстах были весьма распространены сложные слова, состоящие из двух или более полных слов) могло стать известным в Византии, где на

протяжении IX–XI вв. постоянно присутствовала варяго-русская дружина. В процессе дальнейшей передачи этого имени в скандинавской среде оно оформилось древнеисландским окончанием множественного числа (-ar).

В пользу нашей гипотезы говорит и наличие (или, по крайней мере, не полное отсутствие) в германских языках двуязычных двусложных слов с тавтологическим значением двух компонентов. А. Стендер-Петерсен – в параллель к гидрониму *Ellipaltar* – указал на два таких слова: *pólútasvarf* и *tapar-öx*. Если первое из них «становится двуязычным» лишь в трактовке исследователей, то второй случай – бесспорный: это *tapar-æx* англосаксонских источников (и в том числе «Англо-Саксонской хроники») / *tapar-öx* древнескандинавских саг – обозначение небольшого топорика, состоящее из древнерусского и германского корней со сходным значением «топор». Составители авторитетных словарей считают древнеисландский композит заимствованием из древнеанглийского языка, но в литературе предлагается и противоположное направление заимствования древнерусского корня – сначала в древнескандинавский, а уж из него – в древнеанглийский язык. Какому из германских языков ни отдать первенство, сам факт существования такого слова – налицо.

Естественно, что в толковании гапаксов (каковым является гидроним *Ellipaltar*, зафиксированный в «Красивой коже» в рассказе о Харальде Суровом Правителе) исследователи находятся на зыбкой почве допущений и гипотез. Основным исследовательским методом оказывается метод поиска аналогий. Нам представляется, что предложенная нами греко-латино-готско-скандинавская гипотеза возникновения древнескандинавского названия Азовского моря в достаточной степени подкреплена аналогиями и имеет право на существование. Рассмотренный материал дает редкую возможность увидеть, как из античного восприятия Меотиды как болотистого водного бассейна рождается византийско-готское представление о ней как о болоте со специфическим названием *Эле* (Ἐλη), каковое название, странным образом соединяясь с латинским обозначением болота (*paludes*), дает в конечном итоге древнескандинавский гидроним *Ellipaltar* – двуязычный двусложный топоним с тавтологическим значением двух его составляющих частей. Ранний этногеографический дискурс восприятия Азовского моря и насельников его берегов со временем плавно трансформируется в иноязычной среде в новую конструкцию, в которой, с одной стороны, жива память о прошлом дискурсе, с другой, – возникают иные, специфические формы освоения этногеографического пространства.

¹ Джаксон Т.Н. Путь саги // Восточная Европа в древности и средневековье. XX Чтения памяти В.Т. Пашуто. – М., 2008. – С. 56–62.

² Тексты см. в: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное. – М., 2012. – Гл. 8 «Сага о Харальде Сигурдарсоне».

³ Íslenzk fornrit. – Reykjavík, 1951. – В. XXVIII. – Bls. 439.

⁴ Лященко А.И. Былина о Соловье Будимировиче и сага о Гаральде // Sertum bibliologicum в честь президента русского библиологического общества проф. А.И. Малеина. – Пг., 1922. – С. 126, прим. 4.

⁵ Fornmanna sögur eptir gömlum handritum. – Kaupmannahöfn, 1837. – В. XII. – S. 279.

⁶ Stender-Petersen A. La tradition hellespontique chez Saxo // Stender-Petersen A. Varangica. – Aarhus, 1953. – P. 214.

⁷ Подробнее см. в: Джаксон Т.Н., Подосинов А.В. Топонимия на перекрестке культур: древнескандинавское название Азовского моря и устная традиция // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 г. – М., 2013. – С. 165–191.

⁸ Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках / Пер. А.В. Назаренко. – М., 1997. – С. 61.

А.Н. Дзиговский (Одесса)

ЦАРСТВО ФАРЗОЯ: ПОЛВЕКА СПУСТЯ

Немногим более полувека назад увидела свет статья П.О. Карышковского «З історії греко-скіфських відносин у Північно-Західному Причорномор'ї (про монети царів Фарзоя та Іннсімея, карбовані в Ольвії)», где автором был изложен целый ряд остроумных замечаний, касающихся характеристики данных монет, времени и исторических обстоятельств их чеканки, этнической принадлежности царей Фарзоя и Инисмея¹. Несмотря на пересмотр исследователем несколько позднее своей же первоначальной хронологии эмиссий указанных монет², его выводы о том, что сарматские басилевсы Фарзой и Инисмей чеканили в Ольвии, соответственно, свою золотую и серебряную монеты, начиная с середины 50-х и заканчивая самым началом 80-х гг. I в. н.э. стали, практически, общепринятыми. Последнее в полной мере касается и выводов П.О. Карышковского относительно границ «царства» Фарзоя, определявшихся автором к западу и северо-западу от Ольвии³, которые впоследствии были приняты и даже несколько конкретизированы М.Б. Щукиным⁴ и Ю.Г. Виноградовым⁵.